

Вильдье использует этот аргумент в пользу логической грамматики Парижа и против классической «Граматики» Орлеана. Приблизительно в 1199—1202 гг. он пишет: «Орлеан учит нас жертвоприношениям языческим богам, соблюдению праздников Фавна, Юпитера и Вакха. Это гибельное седалище заразы, на котором, согласно Давиду, не должен сидеть святой человек, если он хочет избежать проклятого учения орлеанцев, распространяющегося среди людей, словно заразная болезнь. Нельзя преподавать ничего противоречащего Писанию». Факт очевидный, однако подозрительность Петра Дамиани и многих других по отношению к классическим авторам не помешала изучению последних в школах Шартра. А те, кто осуждали чтение Вергилия, были не более великодушны в отношении логики. Александр из Вильдье — это такой противник, который в качестве оружия использует все, что попадется под руку. Здесь речь идет об аргументе, извлекаемом в качестве подкрепления.

Как на одни из причин упадка классического образования в XIII веке указывают также на возраставший в ту эпоху интерес к науке, который выражали произведения Альберта Великого и Роджера Бэкона, и на развитие нужного практике образования в области права и медицины. Безусловно, эти причины частично объясняют положение, но мы знаем, что Герберт Орильякский, чьи математические труды переиздал в 1899 г. Бубнов, пылал любовью к классикам. Роджер Бэкон был страстным почитателем Сенеки, и наука, которую рекомендовали изучать он сам и Альберт Великий, была все той же диалектикой, изучаемой вне университетов, откуда она изгнала древних. От триумфа логики «квадривий» пострадал не меньше грамматики. Что касается новой волны в изучении медицины и права, то она заведомо нанесла ущерб изучению словесности, но Роджер Бэкон неустанно протестовал против этого ущерба, гораздо более тяжкого, чем тот, который эти дисциплины нанесли теологии. В XIII веке их преподавали во всех универси-

Глава VII. Греч, и араб, влияния в XIII в. и основание университетов

308

тетах, тогда как более чем в половине из них не было теологических факультетов (Г. Дениф-ле). Факт неожиданный. Но он не помешал теологии достичь в XIII веке поразительных успехов, а что до права, то сколько гуманистов оказалось среди итальянских юристов в начале XIV столетия! Однако здесь имеет место лишь случайный союз против общего врага. Как сказал Жиро из Камбре в своем сочинении «Жемчужина Церкви» («*Gemma ecclesiastica*», XXX, 2), если бы не злоупотребляли правоведением, то не злоупотребляли бы и логикой («*de litteraturae defectu ex legum humanarum et logices abusu proveniente*» *).

Главную и фатальную роль в оппозиции словесности, несомненно, сыграла логика (Дж. Петоу). В ту эпоху в школах Запада поднялось настоящее восстание логики против других шести свободных искусств, за которым последовал захват философией Аристотеля существовавших факультетов искусств. Чтобы локализовать это восстание, теология заняла мудрую позицию, став во главе философов. Она сделалась их полководцем, но для этого требовалось следовать за ними. И мы видим, что в этот момент теология патристического типа, вся пропитанная классической «элоквенцией», уступает место так называемой «схоластической» теологии, методы которой диктует диалектика. Поэтому XIII век стал поворотным пунктом в истории христианской теологии. Схоластическая теология сумела воспользоваться успехами, достигнутыми философией, для омоложения и усовершенствования методов изложения. В своей основе верная традициям, которые она сохранила в неприкосновенности, конституировавшись как наука, новая теология воспользовалась успехом философии и даже способствовала ему, в какой-то степени